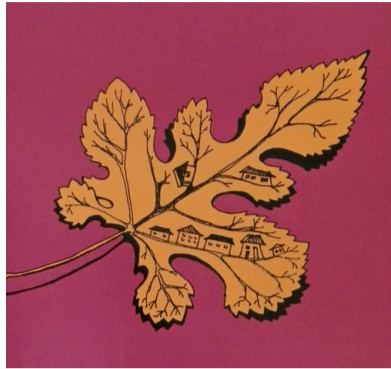

ЛИТЕРАТУРНАЯ ВЕБ-СТРАНИЦА

ЗЫБИНКА

Выпуск №21
30.11.2023 г.

Василий ГАВРИЛЕНКО МАМА

Посмотрите, как падает снег.
И подумайте тихо о маме.
И часов остановится бег.
Вы окажетесь в солнечном храме.
Этот храм называют любовь.
Мама ласково вам улыбнется.
И отступят печали и боль.
И покой в ваше сердце вернется.

Владимир ВИНОГРАДСКИЙ НАЧАЛО НОЯБРЯ

Памяти Б.Пастернака

Ноябрь осенней непогодой
Стучался в ночь в моё окно.
В права вступало время года,
Когда и сыро, и темно.
И души прятались в потёмках,
И на сердце лилась печаль,
И как-то скромно и не громко
Клин журавлей стремился в даль.
За стаей птиц тянулись ветки,
Листву роняя на ветру,
Уже не яркие и не крепки
Уже озябшие к утру.
И первый снег ещё несмело
Позёмкой прятался в меже,
И лишь одна свеча горела,
Горела в сердце и в душе.

Светлана ВОЙТОВА

В привычном холоде полей,
Где вольный дух и чужд и крепок,
Я слышу клёкот журавлей
В просторах пасмурного неба.
За что им выпало, за что,
Благоволить к чужому дому,
Где встретит их незнамо кто
И препроводят по-иному?
И без того моя земля
В сырой прохладе опустеет,
И за окошком тополя
Застынут, прежде чем повеют.
Прощайте, вестники весны!
Не то вы души, не то – птицы,
Но в том не будет новизны,
Что в вас так хочется влюбиться.

Страницу подготовил
Константин Попов

Надежда ЦИПАКИНА МКС В НЕБЕ

По тёмному, почти полночному небу ползла МКС, даже не ползла, а торопливо бежала, сосредоточенно царапая темноту и уверенно продвигаясь с юго-запада на северо-восток. Иван увидел её сразу, как только вышел покурить на балкон, чтобы успокоить брэнчащую, как старая гитара, душу. Жена ещё что-то самозабвенно кричала ему вслед, но он уже не слышал, а удивлённо напрягал зрение, будто хотел взглядом остановить станцию и радостно разглядеть её.

Так в детстве он однажды нашёл в траве изумрудного жука и, положив его на ладонь, долго разглядывал, не давая тому вернуться в зелёное море летнего луга. Тогда же ему пришла в голову неожиданная мысль, что это не жук маленький, а он, Ванька, потому что жуку принадлежал этот луг, и каждую травинку он облазил, и знакомых у него там миллион, и летает куда хочет. А Ванька только в гости пришёл. Это так обескуражило его, что он покорно отпустил жука.

Вот и сейчас Иван смотрел на небесного серебристого труженика, старательно передвиравшего острыми лучами-лапками, и не мог не выдохнуть:

– Ух, ты!

Точно, МКС, он в Интернете сегодня читал, что над Москвой она будет пролетать почти в одиннадцать, а сейчас без четверти. Что ей

наши семьсот километров: две минуты – и над Москвой. Только кто ж её там увидит: Москва сама на всю Вселенную светит, никакие звёзды не переселят – светлое небо, и всё тут. От этих мыслей Ивану даже жарко стало. Это, может, он сейчас один и видит её, и, забыв свежую обиду, вскочил в комнату:

– Верка, МКС летит, – радостно зашумел он, – иди погляди, когда ещё увидим!

– А что это? – насторожённо спросила не успевшая остыть от очередной перепалки Ванькина жена.

– Что, что? Космическая станция, космонавты в ней – и наши, и американцы!

Вера не торопясь вышла на балкон:

– Ну и где?

– Да вон же, слева, почти над нами. Смотри, смотри! – торопил её Иван.

Вера пригляделась и вдруг увидела быстро движущуюся яркую звезду:

– Точно! Надо телефон взять, на камеру снять. Завтра в Интернет выложу – миллион лайков будет, – и она, проворно юркнув в комнату, тут же выскочила с мобильником и, протянув прямые руки к небу, стала снимать.

– Ты так полюбуйся, двумя глазами, живую! – советовал Иван, но Вера только шикнула:

– Помолчи. Без комментариев тупых.

Иван притих, зачарованно глядя, как стан-

ция, будто ласково подмигнув ему, переползла за крышу дома и исчезла. На душе было светло, он стал разглядывать звёздное небо и думать о том, что все люди, действительно, маленькие, как муравьи, и всё что-то делают, недовольные друг другом, а ты вон в небо почаще гляди, чтобы понять скудость свою земную, может, и найдёшь себе красивое применение. Он улыбнулся, и глаза его стали тёплыми и счастливыми, только этого никто не видел, конечно. Ночь всё-таки.

– Ну вот, – прервала его раздумья жена, успевшая пометаться по квартире, – не мог раньше сказать, почти ничего не сняла.

Голос её набирал силу и тугой волной разливался по балкону и дальше, в тишину ночного двора:

– Вот он, твой эгоизм. Только о себе думаешь. Такие кадры пропали! Что я теперь в нете выложу? Я бы первая была.

– А ты вон Венеруними, – предложил Иван. – Слева, видишь? Тоже яркая, на станцию похожа. Только к середине ночи напротив нас будет.

– Эй, Шуваевы! – раздалось этажом ниже. – Перенесите свои ментовские войны с балкона в квартиру. И окна закройте. Достали уже. Ни одного сериала не дают посмотреть нормально.

Иван зло погасил окурок и с досадой бросил его с балкона.

Мария МУХИНА

* * *

У нас на дне – деревья в серебре.
У нас на дне – резные образа.
Они везде, да, черт возьми, везде,
А вы боитесь – образу в глаза...
Не надо нам о вашей «высоте»,
О красоте разверзнутых небес,
У нас на дне, на самой глубине,
Драконы не гнушаются невест.

Вы так стремитесь все перевернуть,
Вам каждый шаг наш видится, как блажь,
Но ведь признайтесь, как ни повернуть,
У нас – прекраснейшего пейзаж.
Цветы растут, стада идут в оwin,
Кричит пастух о свойствах бытия,
У нас на дне безрадостных равнин,
Давно отменена епитимья.
Вы наверху – спокойны и чисты.
Незримый мир глубин вам не понятя.
В последний миг, в минуту всех годин,
Мы будем здесь, – любить и защищать.

ПЕРВЫЙ СНЕГ. Художник Мария КОРНЮХОВА

Галина ОРЕХОВА ХОККЕЙ

И вновь сигнал! И вновь свисток!
Скрестились клюшки игроков.
И шайба, совершив виток,
По льду скользит среди коньков.
Бросок, – и вот отважный кто-то
Бьёт метко шайбой по воротам!
Момент опасный, крики: «Гол!»
Он победителем ушёл!
И вот встаёт другая смена,
Уставшим игрокам замена.
Звучит команда «По местам!»
То тренер с ними здесь и там.
Он наставления даёт:
«Защита! Встали у ворот!
Центральный, пару шайб забей!
Вперёд!». Да здравствует хоккей!

Татьяна РАМИНА ВЕТЕР-БРОДЯГА

Бесстыдно с деревьев срывает листву
Распутный наш ветер-бродяга.
А девы-березы никак не поймут –
За что же так с ними? Бедняги...
Пытаясь упрятать свою наготу,
Все ниже к земле наклонились.
Давно он, шалун, перешёл ту черту,
Берёзки всерьёз рассердились.
Хлестали ветвями его по лицу,
В порыве шумели листвою.
А он лишь смеялся – «Я вас потрясу!
Не сорьтесь, девчонки, со мною!»
Снимал он с деревьев осенний наряд,
К ногам всем проходим кидая.
«Распутник!», – деревья ему говорят.
А ветер от страсти сгораёт.

Александр КОЛМАКОВ ПОЭМА ТЕЛ

...И не дочитаны у нас
Страницы нашего романа.
Возможно, это лишь рассказ,
Мы написали мелодраму.
А, может быть, и осень зря
Под ноги листья нам бросала?
И от скупого ноября
Нас в октябре она спасала.
И вот он, снег... Да неужель?
Теперь попросим память нежно
Перенести нас в колыбель
Листвы, далёкой и безгрешной,
И даже чуточку святой.
А помнишь, нас листва укрыла?
Сказал я памяти: – Постой,
А с нами ли всё это было?
И я гулял, безумно рад,
С тобой, обнявшись, листьев ворох
Напоминал нам маскарад
И нежный шёпот, лёгкий шорох.
И не сумели мы понять
Намёки осени впервые.
Не сможем прозу написать –
У нас поэзии стихия.
Я строчку первую, а ты,
Вторую строчку, продолжаем.
В душе желанья чисты –
Поэму тел мы сочиняем.
Пожалуй, лучшая из всех
Поэма страсти и соблазна.
Поэма радостных утех
И осени, что так прекрасна!